

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-137-154>

БЕДНОСТЬ В РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ: ДИНАМИКА КЛЮЧЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ В 2018–2023 гг., ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ

А. В. Масолыгин

Фонд «Центр стратегических разработок», Москва, Россия

Бедность остается неизменной темой научного дискурса с момента появления новой России. Будучи глубоко политизированным и достаточно абстрактным при поверхностном изучении, вопрос бедности зачастую рассматривается исключительно в контексте внутренней логики развития страны. Вместе с тем, оставаясь структурным элементом экономики России, уровень бедности в нашей стране оказывает определенное влияние на логику развития мировой экономики. Исходя из этого, целью данной работы является анализ уровня бедности в России и его динамики на фоне изменения положения России по данному показателю в международных сопоставлениях. Для решения указанной задачи автором анализируются выборки из 60 стран, где бедность рассматривается как доход в менее 6,85 долларов в день, и 52 стран, где приводится статистика относительной бедности – доход ниже 50% от медианного. Данная работа охватывает период с 2018 по 2023 г. (с начала действия Единого плана по достижению национальных целей развития до 2024 года и на перспективу до 2030 года (далее – Единый план) и до последнего года, за который приведены официальные данные Росстата). Автор рассматривает бедность как многогранное социально-экономическое явление, дает собственное определение бедности, учитывая официальное определение данного понятия в России, а также изменение подходов к ее оценке. Приводится характеристика динамики и особенностей ключевых индикаторов бедности, установленных в Едином плане, – уровня бедности, доходов, заработных плат, социальных выплат (в том числе пенсионных выплат) и занятости. Некоторые данные представлены по Российской Федерации в целом, субъектам Российской Федерации, а также отдельным отраслям. Выделяются долгосрочные вызовы и задачи, связанные как с отдельными показателями социально-экономического развития, так и с ограничениями конкретных программных документов.

Ключевые слова: глобальная бедность, уровень бедности, уровень жизни, доходы населения, заработная плата, занятость, международные сопоставления бедности.

POVERTY IN RUSSIA IN INTERNATIONAL COMPARISONS: DYNAMICS OF KEY INDICATORS IN 2018-2023, CHALLENGES AND TASKS

Andrey V. Masolygin

Center for Strategic Research Foundation, Moscow, Russia

Poverty has remained a constant topic of scientific discourse since the new Russia emerged. Being deeply politicized and rather abstract when superficially studied, the issue of poverty is

often considered exclusively in the context of the internal logic of the country's development. At the same time, while remaining a structural element of the Russian economy, the level of poverty in our country has a certain impact on the logic of global economic development. Based on this, the purpose of this work is to analyze the level of poverty in Russia and its dynamics against the background of Russia's changing position on its indicator in international comparisons. To solve this problem, the author considers a sample of 60 countries where poverty is regarded as an income of less than \$6.85 per day and 52 countries where relative poverty statistics are provided – income below 50% of the median. This work covers the period from 2018 to 2023 (from the start of the Unified Plan for Achieving National Development Goals until 2024 and for the future until 2030 (hereinafter referred to as the Unified Plan) until the last year, for which official data from Rosstat are provided). The author considers poverty as a multifaceted socio-economic phenomenon, gives his own definition of poverty, taking into account the official definition of this concept in Russia, as well as changing approaches to its assessment. The article describes the dynamics and features of key poverty indicators established in a Unified Plan, such as poverty levels, incomes, wages, social benefits (including pension payments) and employment. Some data are presented for the Russian Federation as a whole, as well as for the subjects of the Russian Federation and individual industries. The long-term challenges and tasks related to specific indicators of socio-economic development, as well as the limitations of certain program documents, are highlighted.

Keywords: global poverty, poverty level, standard of living, population income, wages, employment, international comparisons of poverty.

Введение

К началу 2025 г., несмотря на существенное улучшение значения показателя бедности в рамках достижения цели по ликвидации нищеты (в первую очередь за счет Китая и Индии), вопрос бедности в мире остается острым. Так, согласно отчету Всемирного банка за 2024 г., многие страны с низким уровнем дохода стали беднее, чем в 2019 г., что во многом связано с такими экономическими проблемами, как замедление экономического роста, увеличение долговой нагрузки [16]. На этом фоне ситуация с бедностью в России остается стабильной: уровень бедности (доля граждан с доходами ниже 2,15 долларов в день) не превышает 0,3%.

В расчетах по официальной методологии, представленных Росстатом, в 2023 г. уровень бедности в России составил 8,3% – рекордно низкое значение за весь охваченный официальной статистикой временной период (1995–2023 гг.). Подобное снижение обусловлено рядом экономических и внеэкономических факторов. Среди них особое место занимает проводимая государством политика по снижению бедности. Данная статья призвана рассмотреть динамику бедности и ключевых показателей, влияющих на нее, провести сопоставление с другими странами, выявить отдельные проблемы соответствующей политики, требующие решения в будущем.

Данная работа представляет актуальность в контексте утверждения в мае 2024 г. новых национальных целей развития (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»), а также Единого плана по достижению национальных целей

развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹, что обуславливает необходимость подведения итогов реализации предшествующих программных документов (пусть и промежуточных, так как данные за 2024 г. выйдут только во второй половине 2025 г.).

Подходы к оценке бедности

Вопрос бедности объединяет в себе как социальную и экономическую, так и политическую, культурную, этическую проблемы [6. – С. 269]. Несмотря на многогранность вопроса, он конструируется вокруг потребления. Таким образом, бедность – это состояние, характеризующееся потреблением различными группами населения товаров и услуг (в том числе общественных благ) в объеме, меньшем приемлемого уровня потребления в соответствующем обществе.

Важно отметить существенную разницу между бедностью и нищетой. Так, одной из целей ООН является ликвидация именно нищеты (доля граждан с доходами ниже 2,15 долларов в день) – экстремального состояния бедности. По состоянию на 2023 г. в мире проживало около 700 млн человек в состоянии нищеты². Среди 71 страны, по которой есть данные на 2021 г., максимальное значение наблюдается в ЦАД (65,7%), Нигере (50,6%) и Кении (36,1%)³.

В странах с высоким уровнем дохода на человека значение данного показателя равняется или близко к 0% (около 0,3% в 2021 г.)⁴. Это свидетельствует об отсутствии нищеты, однако не означает отсутствия бедности. Данный вопрос обуславливает необходимость иной оценки бедности в развитых странах. Так, Всемирным банком собирается статистика по доле населения с доходами ниже 50% медианного – в 2021 г. лучшие результаты у Казахстана (3,1%), Киргизии (4,4%) и Словении (5,4%). При этом у таких стран, как Швеция, Китай и США значения превышают 10% (11,1%, 11,6 и 15,5% соответственно), в Израиле – 19,5%⁵.

Если распределение стран по уровню нищеты во многом зависит от уровня валового национального дохода на душу населения, то для оценки бедности на основе медианного дохода это не так. Относительная бедность скорее характеризует уровень равенства распределения доходов, а также социально-культурные особенности потребления. В этом и заключается основное отличие между абсолютной (уровень дохода ниже определенного минимума) и относительной бедностью (уровень дохода ниже среднего (медианного) по стране).

¹ См.: Михаил Мишустин утвердил Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. – URL: <http://government.ru/docs/53927/>

² Ликвидация нищеты. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ending-poverty>

³ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴ Ликвидация нищеты. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ending-poverty>

⁵ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

Как определяется бедность в России?

С 1 января 2021 г. уровень бедности в России определяется как численность (доля) населения с денежными доходами ниже границы бедности (далее – уровень бедности). Граница бедности (ГБ) рассчитывается как базовая ГБ (соответствует значению величины прожиточного минимума (ВПМ) на душу населения, установленного в целом по Российской Федерации за IV квартал 2020 г.), умноженная на индекс потребительских цен за соответствующий период с IV квартала 2020 г. Подобное изменение в методологии привело к тому, что расчет уровня бедности в 2021–2022 гг. показал несколько более высокое значение, чем при старой методике. Если до 2021 г. уровень бедности рассчитывался на основе нормативно устанавливаемой величины, а именно величины прожиточного минимума (устанавливается Федеральным законом о бюджете), то с 2021 г. – это расчетная величина. Этим объясняется и несовпадение значений ГБ и ВПМ. В 2021 и 2022 гг. (по состоянию на 1 января) ВПМ была ниже ГБ для всех категорий социальных групп (за исключением пенсионеров в 2021 г.). Особенно это заметно в 2022 г., когда ВПМ была на 6,4% ниже ГБ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Соотношение ВПМ и ГБ в 2021–2023 гг.* (в %)

	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
2021	97,86	98,47	101,99	96,53
2022	93,42	94,00	97,37	92,15
2023	100,25	100,87	104,49	98,89

* Рассчитано по: Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025); Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

В этом контексте важно учитывать, что социальные пособия начисляются категории «малоимущие граждане», а не тем, кто имеет доход ниже ГБ. Принадлежность к группе малоимущих граждан определяется исходя из уровня ВПМ¹, что до 2021 г. соответствовало методике расчета бедности. После 2021 г. две категории – «малоимущие» и «бедные» – являются во многом пересекающимися, но не совпадающими множествами. Таким образом, в 2021–2022 гг. сложилась ситуация, когда часть людей, все еще относившаяся к категории «бедные», не получала социальной под-

¹ См.: Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=DBcEDQ&base=LAW&n=452698&dst=100008&field=134#seHfxZUilJCehRj5> (дата обращения: 15.01.2025).

держки, так как уже вышла из категории «малоимущие». В 2023 г. ситуация обратная во всех социально-демографических группах, кроме детей, – ГБ установилась выше ВПМ. В связи с этим некоторые люди продолжили получать помощь как малоимущие, по сути, не являясь бедными.

Исходя из вышеуказанного, в России оценивается именно абсолютная бедность – «невозможность удовлетворять базовые потребности человека в питании, одежде, жилье и тепле» [14. – С. 17]. Похожий подход используется в отдельных развитых странах (Великобритании, США, Чехии Сингапуре), а также ряде развивающихся (Индии, Иране, странах СНГ).

Динамика бедности в 2018–2023 гг. и альтернативные методы расчета бедности

За шесть лет официальный уровень бедности (абсолютная бедность) снизился на 4,4 процентного пункта – с 12,7% до 8,3% (с 18,8 млн человек до 12,2 млн человек)¹. При этом, если обратиться к оценке относительной бедности (определение границы бедности через сопоставление со средними или медианными доходами), то заметна несколько другая динамика. Отличие абсолютной и относительной бедности в том, что под первой понимается доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, а под второй – ниже определенного стандарта (например, медианного дохода) [5. – С. 157]. Из представленных в табл. 2 данных, видно, что относительный уровень бедности в исследуемом периоде находится в диапазоне 24,3–25,2%.

Т а б л и ц а 2

Уровень бедности в 2018–2023 гг. (в %)

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля населения с денежными доходами ниже ГБ/ВПМ	12,7	12,4	12,2	11,1	9,0	8,3
Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже 60% медианного среднедушевого денежного дохода населения	25,3	25,2	24,8	25,0	24,3	24,8

* Рассчитано по: Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы медианного среднедушевого денежного дохода населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

Региональный разрез

В 2023 г. уровень бедности был значительно дифференцирован в региональном разрезе – разброс составляет 24,1 процентного пункта – от

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

3,6% в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) до 27,7% в Республике Ингушетия. С 2018 г. ситуация улучшилась, но незначительно: тогда разрыв составлял 28,9 процентного пункта – от 5,5% в ЯНАО до 34,4% в Республике Ингушетия. При этом топ рейтинга регионов по уровню бедности фактически не изменился – это Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), Астраханская, Саратовская, Курганская, Амурская, Псковская, Смоленская и Ульяновская области, Республики Бурятия, Калмыкия, Крым и Саха, Забайкальский край и Еврейская автономная область (ЕАО). В указанных регионах уровень бедности в 2023 г. превышал 11,5–12%. При этом в ряде регионов наблюдалось существенное улучшение ситуации – в Чукотском автономном округе и Кабардино-Балкарской Республике бедность снизилась практически в 2 раза – до 4,6% и до 14,2% соответственно. В целом во всех регионах России наблюдается снижение уровня бедности – исключением является только Тамбовская область, где этот показатель с 2018 г. зафиксировался на уровне 9,8%¹.

Международные сопоставления уровня бедности

Ориентируясь на данные Всемирного банка, можно отметить несколько тенденций. В первую очередь – это сохранение крайне низких значений по общему уровню экстремальной бедности (доходы ниже 2,15 долларов в день), а также общее снижение уровня абсолютной бедности в России. Из данных табл. 3 видно, что доля населения с доходами ниже 6,85 долларов в день (порог для стран с высоким уровнем дохода) сократилась с 2,6% до 2%.

Т а б л и ц а 3

Уровень бедности в России в 2018–2021 гг. в международных сопоставлениях*
(место в рейтинге и значения)

2018		2019		2020		2021	
Место	Значение	Место	Значение	Место	Значение	Место	Значение
<i>Доля населения с доходами ниже 2,15 долл. в день (ППС) – выборка 53 страны</i>							
13	0,1%	18	0,2%	15	0,1%	20	0,1%
<i>Доля населения с доходами ниже 6,85 долл. в день (ППС) – выборка 61 страна</i>							
23	2,6%	29	2,7%	23	1,7%	27	2%
<i>Доля населения с доходами ниже 50% медианного дохода – выборка 52 страны</i>							
33	14,4%	33	14%	25	11,6%	32	13%

* Составлено по: URL: // databank.worldbank.org/home.aspx (дата обращения: 05.02.2025).

На фоне других стран динамика в России умеренная – наша страна стабильно находится в третьей десятке по уровню абсолютной бедности.

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

В 2020 г. уровень абсолютной бедности в России был ниже, чем в среднем по странам с высоким уровнем доходов – 1,7% против 1,8% (Россия до 2024 г. входила в число стран со средневысоким уровнем дохода), однако в 2021 г. ситуация обратная – 2% против 1,4%. Похожую динамику демонстрирует и показатель относительной бедности – снижение с 14,4% до 13%¹. Место России в рейтинге также было стабильно – 32-е–33-е (кроме 2020 г. – 25-е).

В целом с 2004 г. Россия стабильно находится в верхних диапазонах распределения стран по уровню бедности – при этом в сравнении с развитыми странами наблюдается высокий уровень неравенства по доходам (индекс Джини) и «высокие показатели концентрации доходов в руках верхних 1–10% населения» [10. – С. 24].

Динамика и структура доходов населения в 2018–2023 гг.

Уровень бедности населения определяется двумя ключевыми показателями – уровнем доходов и их распределением. До 2018 г. уровень относительного неравенства был достаточно стабильным (около 25% населения с доходами ниже 60% медианы). Колебания экономической конъюнктуры почти не оказывали влияния на уровень неравенства – на фоне экономического восстановления в 2017 г. наблюдалось увеличение данного показателя [8. – С. 33].

В 2018–2023 гг. среднедушевые денежные доходы населения выросли на 67,6% до 53 тыс. рублей, при этом реальные темпы роста составили 14,1%. Номинальный рост доходов во все исследуемые годы превышал уровень инфляции, за исключением 2020 г., на который пришелся пик антиковидных ограничений.

Структура доходов за шесть лет значительно не изменилась: сильнее всего выросла доля оплаты труда (на 3,1 процентного пункта до 60,2%), доходов от собственности (на 2,1 процентного пункта до 6,7%), доходов от предпринимательской и другой производственной деятельности (на 0,4 процентного пункта до 6,5%) за счет снижения доли социальных выплат и прочих поступлений (последние рассчитываются балансовым методом) на 0,5 процентного пункта до 18,5% и 5,1 процентного пункта до 8,1% соответственно².

Распределение по 20%-ным группам показывает, что доли всех групп ниже пятой (с наивысшими доходами) в общем доходе выросли в 2018–2023 гг. на одну величину – 0,2 процентного пункта (четвертая группа – на 0,1 процентного пункта). Доля пятой группы, соответственно, снизилась на 0,7 процентного пункта до 46,4%. Доля первой группы со-

¹ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

² Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

ставила 5,5%¹. За период 2018–2022 гг. похожая динамика наблюдалась преимущественно в странах Латинской Америки – в Аргентине доля наименее обеспеченных 20% выросла на 10,2 процентного пункта до 5,4%, доля с наибольшими доходами снизилась на 0,6 процентного пункта до 46,6%; в Перу для первой группы рост в 14 процентных пунктов до 5,7%, для второй – снижение на 2,9 процентного пункта до 46,5%; в Мексике + 7,7 процентного пункта до 5,6% и –4,4 процентного пункта до 49,8% соответственно. При этом в ряде развитых стран со схожим уровнем неравенства ситуация обратная – в США доля 10% с наименьшими доходами снизилась на 1,9 процентного пункта до 5,2%².

Факторы изменения доходов населения и их влияние на бедность в России

Снижение бедности в России является результатом тенденций развития мировой и национальной экономики, а также государственной политики. В Едином плане меры, направленные на снижение бедности, объединены в три крупные группы: стимулирование общего роста реальных доходов населения; общесистемные меры по ускоренному росту доходов низкодоходных групп населения; повышение уровня социального обеспечения и адресности мер социальной поддержки³. В совокупности эти механизмы направлены на обеспечение роста главных составляющих дохода населения – заработных плат и социальных трансфертов, а также на поддержку занятости и повышение качества мер социальной поддержки.

Фактор 1. Рост заработных плат

Одним из ключевых драйверов роста заработных плат (ЗП), особенно у низкодоходных групп населения, является повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ). В 2018–2023 гг. МРОТ увеличился почти на 71,2% – с 9,5 тыс. до 16,2 тыс. рублей. При этом была изменена схема его расчета. Так, 1 мая 2018 г. размер МРОТ был привязан к прожиточному минимуму и составил 11 163 рубля. В 2022 г. на фоне всплеска цен (за январь – май 2022 г. рост составил 11,4%)⁴ было принято решение об индексации МРОТ: с 1 июня 2022 г. он составил 15 279 рублей.

¹ Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 16.01.2025).

² URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-п) (с изм. от 24 декабря 2021 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 08.09.2023).

⁴ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 16.01.2025).

На распределение ЗП по децильным группам это фактически не повлияло – доля первой группы (с наименьшими доходами) увеличилась в 2017–2023 гг. на 0,2 процентного пункта до 2,5%, второй – на 0,2 процентного пункта до 3,7%, третьей – не изменилась¹.

В 2018–2023 гг. отраслевое неравенство в заработных платах несколько снизилось – разрыв соотношения ЗП в отрасли с минимальными ЗП (производство одежды – 19,8 тыс. рублей в 2018 г., 34,2 тыс. рублей – 2023 г.) и максимальными (добыча нефти и природного газа – 127,8 тыс. рублей и 146,7 тыс. рублей соответственно) уменьшился с 6,44 раз до 5,3.

Во всех регионах в 2018–2023 гг. реальные заработные платы росли в 47 регионах, несмотря на снижение в 2022 г. В целом за исследуемый период наблюдался накопленный рост от 3,8% в Республике Ингушетия до 44,4% в Чувашской Республике. Распределение темпов роста заработных плат по регионам во многом соответствует структуре их экономики: так, регионы с высокой долей ВПК в экономике, активным строительством (поддерживаемым бюджетным импульсом) показали меньший спад по итогам 2022–2023 гг. [4. – С. 45], что и предопределило их более высокую динамику в 2018–2024 гг.

Фактор 2. Рост социальных выплат и социальной поддержки

Важным фактором снижения бедности в исследуемый период стало улучшение системы социальной поддержки. Среди ключевых мероприятий – индексация социальных пособий и льгот не ниже уровня инфляции, дальнейшее расширение практики социального контракта, создание и развитие Социального казначейства. В основе лежит уход от «категориального подхода», когда поддержка оказывается без привязки к уровню доходов получателя (отсутствие оценки нуждаемости) [7. – С. 1649].

Проведена работа по унификации мер поддержки, повышению их адресности. Например, начиная с 2023 г. до этого разрозненные меры поддержки семей были объединены в единое пособие на детей и беременных женщин, которое совместило ежемесячные пособия для семей с детьми до 17 лет и беременных женщин с низкими доходами. По данным Росстата, объем социальных выплат в 2018–2023 гг. увеличился на 55,2% – основным драйвером стало увеличение пособий и иных инструментов материальной поддержки (рост на 116,3%)².

В результате в 2018–2022 гг. доля бедных семей среди всех многодетных снизилась с 48,7% до 30,5%, детская бедность снизилась с 22,9% до

¹ Распределение общей суммы начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 16.01.2025).

² Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025).

16,5%¹, в том числе за счет увеличения доступности отдельных материальных благ и досуга (активный отдых, дополнительное образование) [2. – С. 51]. При этом доля социальных трансфертов в доходах населения в целом снизилась почти с 19% в 2018 г. до 17,9% в 2023 г., в первую очередь за счет снижения доли пенсий и доплат к ним с 14% до 11,8% (доля пособий и социальной помощи выросла с 4,3% до 5,6%). Совокупный объем трансфертов в части пенсий и доплат к ним в 2018–2023 гг. увеличился на 38,7%². Средний размер назначенных пенсий за тот же период увеличился с 13,3 тыс. до 29,8 тыс. рублей, реальный рост составил 10,73% (по состоянию на 1 января 2024 г.). Вместе с тем по регионам ситуация неоднородна – есть два региона, в которых реальный размер пенсии на 1 января 2024 г. был ниже, чем в том же периоде 2018 г. – это Севастополь (–1,1%) и Республика Ингушетия (–1,5%). В двух регионах наблюдается снижение реального размера пенсии уже третий год подряд – это Мурманская область (на 2,1% за три года) и Республика Ингушетия (на 11,4% за три года), еще в 35 регионах снижение наблюдается второй год подряд.

Одним из инструментов снижения бедности является социальный контракт – соглашение о выделении субсидии, заключаемое между государством и гражданином со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем регионе. Согласно отчету Счетной палаты за 2021–2022 гг., у 28% граждан – участников социального контракта «среднедушевые доходы семьи превысили размер прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации» [1. – С. 7]. При этом достижение планового показателя, характеризующего снижение уровня бедности, «значительно дифференцируется по регионам (от 8,9 до 42,2%)» [1. – С. 8]. Счетной палатой отмечается позитивное влияние данного инструмента на уровень бедности, хотя и выделяется ряд проблем реализации, таких как нехватка финансирования и неравная эффективность в региональном разрезе.

Фактор 3. Поддержка занятости

В 2018–2023 гг. уровень безработицы в возрасте 15 лет и старше снизился с 4,8% до 3,2% населения. В международных сопоставлениях Россия находится между Мальтой (3,11%) и Нигерией (3,08%). Среди развитых стран данные по России сопоставимы с данными по Сингапуру (3,4%), Израилю (3,4%), Германии (3,07%), а также Гонконгу (2,9%)³. Среди ключевых причин снижения безработицы – демографическая яма, сокращение численности трудовых мигрантов, увеличение неполной занятости,

¹ Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года (ОКВЭД2) / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

² Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025).

³ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

квалификационно-профессиональный дисбаланс, смертность населения во время пандемии и др.) [11. – С. 30].

По состоянию на 2023 г., уровень безработицы по регионам варьировался от 1,5% в ЯНАО до 27,8% в Республике Ингушетия. Наибольшее снижение уровня безработицы наблюдалось в Республике Тыва (–8,3 процентного пункта до 6,6%), Карачаево-Черкесской Республике (–4,8%), Республике Адыгея (–4,6 процентного пункта до 7,3%). В четырех регионах, наоборот, безработица выросла – это Республика Ингушетия (+1 процентный пункт до 27,8%), Москва (+0,5 процентного пункта до 1,8%), Республика Дагестан (+0,4 процентного пункта до 11,9%) и Санкт-Петербург (+0,1 процентного пункта до 1,6%)¹. При этом рост безработицы приходился на 2018–2020 гг. – время пандемии коронавирусной инфекции и начала восстановительного роста. С 2021 г. безработица последовательно уменьшается во всех регионах.

С точки зрения видов экономической деятельности видно изменение структуры занятости. Так, доля сельского хозяйства снизилась на 0,9 процентного пункта до 6%, доля розничной торговли – на 0,7 процентного пункта до 18,4%, на 0,2 процентного пункта снизились доли госуправления, образования и обеспечения электроэнергией, газом и паром (до 4,9%, 7,4% и 2,1% соответственно). При этом на 0,6 процентного пункта выросла доля транспортировки и хранения (до 8,1%), на 0,4 процентного пункта – строительства, ИТ, административной деятельности (до 9,3%, 2,4% и 3,1% соответственно)².

Поддержка рождаемости и женская занятость

Единый план в рамках достижения первой национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» наряду с задачей по снижению бедности содержит также задачу по обеспечению устойчивого роста численности населения, в том числе за счет стимулирования рождаемости. Это также подразумевает обеспечение доступности дошкольного образования и поддержку занятости. Несмотря на то что напрямую в Едином плане эти две задачи не привязаны друг к другу, вопрос рождаемости имеет определенное отношение к вопросу бедности.

В первую очередь речь идет о женской занятости. В 2018–2022 гг. уровень безработицы среди женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей дошкольного возраста (0–6 лет), фактически изменился незначительно (снижение на 0,7 процентного пункта до 5,8%), при этом наибольшее снижение

¹ Численность занятых в возрасте 15 лет и старше и уровень занятости / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

² Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года (ОКВЭД2) / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

видно в группе с детьми 3–6 лет (с 6,8% до 5,6%). В группе с детьми от 0 до 2 лет обратная ситуация – рост безработицы с 5,8% до 6,1%¹.

На занятость женщин с детьми во многом влияет наличие необходимой дошкольной инфраструктуры. В 2018–2022 гг. на 2,7 процентного пункта до 10% снизилось число тех, кто отмечает нехватку мест, как причину непосещения детьми 3–6 лет дошкольных учреждений, особенно семей с двумя детьми (–6 процентных пунктов до 7,1%) и с тремя детьми (–3,1 процентного пункта до 9,2%). Однако значение данного показателя для семей с одним ребенком выросло на 1,6 процентного пункта до 14,2%², что является достаточно высоким значением. При этом, по данным Минпросвещения России, на 1 января 2024 г. доступность дошкольного образования для детей от 3 до 7 лет составила 99,9%³. Данные по охвату гораздо скромнее – несмотря на рост показателя в 2019–2023 гг. на 5,3 процентного пункта, он составил 74,9%. В городской местности – 80% (+4,7 процентного пункта), в сельской – только 59,2% (+6,3 процентного пункта)⁴.

Несоответствие данных по доступности и охвату подчеркивает и вопрос качества методик расчета. Доступность рассчитывается как соотношение количества мест в дошкольных учреждениях и численности детей определенного возраста. Другими словами, показатели физической, ценовой доступности, обеспеченности преподавательским составом и кадрами в расчете не учитываются. Без решения вопроса доступности дошкольных учреждений (в совокупности с другими мерами поддержки женской занятости) задача повышения рождаемости, по сути, противоречит задаче поддержания высокой занятости и, как следствие, оказывает негативное влияние на уровень доходов домохозяйств и бедности.

Долгосрочные вызовы и задачи по снижению бедности

За время реализации Единого плана (2018–2023 гг.) в России наблюдалось снижение бедности, что повлияло на ее место в рейтинге в международных сопоставлениях. Совокупность позитивных факторов, даже несмотря на инфляционное давление, привела к улучшению ситуации с

¹ Уровень занятости и безработицы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 20.01.2025).

² Распределение детей в возрасте 3 – 6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 17.01.2025).

³ URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/preschool_education#:~:text=%D0%9D%D0%B0%20%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%D0%BB%D0%B5%D1%82%20E2%80%93%2099%2C86%25. (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Охват детей дошкольным образованием / ЕМИАС, 2025. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43553> (дата обращения: 21.01.2025).

бедностью: доля тех, кто отмечает нехватку денег на еду, снизилась с 0,9% в 2018 г. до 0% в 2023 г.¹

Важно отметить ряд вызовов, которые видны из представленных Росстатом данных:

1. Доля тех, кому затруднительно покупать одежду и оплачивать ЖКХ все еще значительна – 11,2% (на 2,3% выше уровня бедности). Существенна также доля тех, кто не может позволить себе товары длительного пользования (смартфон, холодильник, стиральную машину, мебель и др.) – 48,7%². Таким образом, можно говорить о сохранении потребительской бедности, особенно на фоне значительного роста цен в 2022–2023 г. на ряд потребительских товаров и услуг.

2. Уровень относительной бедности (как при измерении 40% медианного дохода, так и 60%) оставался стабильным – около 25% и 11,3% соответственно (снижение за 6 лет составило всего 0,5 процентного пункта). В совокупности с пунктом 1 это говорит о сохраняющейся высокой доле «предбедного» населения – с доходами в диапазоне от 1 до 1,5 ГБ – несмотря на сокращение с 2018 г. на 2,7 процентного пункта их доля остается значительной (11,6%)³.

3. Сохраняется высокий уровень бедности среди многодетных семей – 30,5%⁴ (новый Указ о национальных целях развития отмечает данную проблему). Притом, что социальные трансферты являются важным элементом поддержки, необходимо создавать условия для качественной жизни – возможности для образования, труда и досуга.

4. Одной из ключевых задач является преодоление разрыва в оплате труда, так как межотраслевые и межрегиональные дисбалансы являются ключевыми долгосрочными факторами неравенства населения в целом [9]. При этом надо учитывать повышение многофакторной производительности (т. е. не только повышать производительность труда, но и фондоотдачу отраслей, снижать административные барьеры).

Так, при росте реальной среднемесячной заработной платы на 33,9% за шесть лет накопленный рост производительности труда составил всего 8,2%⁵ (2018–2023 гг.), а индекс изменения фондоотдачи и вовсе сни-

¹ Распределение домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 16 (18) лет, по степени удовлетворенности своим финансовым положением / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 17.01.2025).

² Там же.

³ Распределение численности населения по размерам соотношения денежных доходов и величины прожиточного минимума/границы бедности в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Социально-экономические индикаторы бедности в 2017–2023 гг. / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 17.01.2025).

⁵ Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 21.01.2025).

зился на 13,6%¹. Во всех отраслях сохраняется дисбаланс между производительностью и заработными платами – с точки зрения бедности следует выделить низкодоходные отрасли, находящиеся под риском из-за снижения производительности. Это в первую очередь сельское хозяйство, административная деятельность и сопутствующие дополнительные услуги.

Несоответствие темпов роста заработных плат и производительности труда в отраслях увеличивает риски углубления дисбалансов в оплате труда, нарушения «баланса между денежными и товарными массами» и, как следствие, усиливает инфляционные риски» [13], а также риски «вымывания с рынка наименее квалифицированной рабочей силы» [12. – С. 90]. В результате в долгосрочной перспективе повышение заработных плат, призванное увеличить доходы граждан, может послужить импульсом к снижению покупательной способности доходов, значительно снижая эффекты от повышения МРОТ.

5. Еще одной проблемой являются региональные дисбалансы – в десяти регионах уровень бедности превышал 15%. Наиболее тяжелая ситуация в Республике Ингушетия (27,7%), Республике Тыва (23,5%) и Карачаево-Черкесской Республике (20,6%)². Характерно, что по ряду показателей (реальный рост доходов и заработных плат, покупательной способности пенсий, уровень занятости, в том числе женской) Ингушетия занимает одно из худших мест среди всех российских регионов.

6. Сохраняются социально-экономические различия по линии «город – село»: при высоком уровне урбанизации 74,9% в 2023 г. на сельскую местность приходилось около 55% всех бедных³. Существуют проблемы гендерной дифференциации занятости в контексте современного развития агропромышленного комплекса, в том числе с высокой долей женской занятости [3. – С. 12].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» частично учитывает вышеуказанные вызовы и задачи. В первую очередь имеются в виду задачи в рамках национальной цели – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, – направленные на снижение бедности, в том числе среди многодетных семей, снижение неравенства, повышение МРОТ, повышение качества жизни инвалидов. В соответствии с новым Единым планом важным остается сохранение

¹ Индексы изменения фондоотдачи / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 21.01.2025).

² Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Распределение малоимущего населения по основным группам / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 21.01.2025).

преемственности существующих инструментов. При этом нельзя не отметить наличие важных нововведений – акценты на неравенстве и проблемах инвалидов.

Вместе с тем новый Единый план все еще не учитывает взаимозависимость социально-экономических процессов – существующее разделение целей и задач по отдельным направлениям без должных прописанных связей не позволяет рассматривать поставленные проблемы в комплексе. Еще одним слабым местом является недоучет отложенного влияния отдельных социально-экономических процессов друг на друга. Вышеупомянутая проблема женской занятости – это долгосрочная проблема, связанная с задачей по повышению рождаемости, иными словами, решения, принятые сейчас, могут сказаться на бедности, например, к концу реализации Единого плана – в 2036 г. Следует отметить, что актуальные исследования взаимовлияния бедности и неравенства показывают, что от изменения вышеуказанных социально-экономических показателей «на 85–90% зависит изменение демографических показателей» [15. – С. 80].

Вышеуказанные ограничения могут быть сняты в рамках грамотной системы мониторинга Единого плана, которую еще предстоит разработать и отладить.

Заключение

В 2018–2023 гг. России удалось не только сохранить крайне низкий уровень абсолютной бедности (нищеты), но и снизить уровень официальной бедности до рекордно низкого значения в 8,3%. Это позволило России сохранить свои позиции в международных сопоставлениях (по абсолютной и относительной бедности) и оставаться на рубеже третьего десятка.

Проведенный анализ показывает, что в целом государственная политика по снижению бедности в 2018–2023 гг. была успешной. Ключевыми факторами снижения бедности стали ускоренный рост заработных плат, вызванный как государственными мерами (повышение МРОТ, стимулирование отдельных отраслей), так и структурными (узость рынка труда, локальные дефициты труда); расширение мер социальной поддержки, повышение их адресности; поддержка занятости. Безусловно, сохраняются отдельные проблемы – это высокий уровень относительной бедности, существенное отраслевое и региональное неравенство, проблемы отдельных социальных групп (многодетные семьи). Решить указанные проблемы и закрепить достигнутые успехи призваны новые национальные цели развития. Несмотря на новые важные задачи (например, снижение неравенства, улучшение качества жизни инвалидов), во многом акцент сделан на сохранении преемственности подходов, что наряду с очевидными плюсами несет в себе сохранение ряда слабых

сторон предыдущих программных документов, в том числе недоучет взаимовлияния разных социально-экономических процессов. При этом в 2018–2023 гг. создан существенный задел для решения проблемы абсолютной бедности. В начале 2025 г. нужно сделать акцент на социально-экономической трансформации – переходе к снижению относительной бедности и соответствующим изменениям государственной политики.

Список литературы

1. Бюллетень Счетной палаты РФ. Социальная помощь. – 2023. – № 5 (306).
2. Гришина Е. Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 45–60. – URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
3. Зубаревич Н. В. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2017. – № 2. – С. 12–14.
4. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 1. – С. 34–47. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47.
5. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 1. – С. 155–175.
6. Клисторин В. И. О бедности в России и в мире // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 3. – Ч. 2. – С. 264–280. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
7. Кравченко Е. В. Адресность предоставления мер социальной поддержки: особенности и направления развития // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 8. – С. 1645–1664. – DOI: 10.18334/ce.14.8.110701
8. Лившиц В. Н. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. – М. : Институт экономики РАН, 2017.
9. Лукьянова А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.) : факты и объяснения. – М. : Издательский дом Гос. Ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – Препринт WP3/2010/10. – Серия WP3. Проблемы рынка труда.
10. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. – Серия. Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы.
11. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. – М. : ИЭ РАН. – 2023. – Вып. 1 (202).

12. Неравенство в оплате труда: динамика, основные факторы, региональные различия, влияние институтов рынка труда : доклад. – М. : НИУ ВШЭ, 2021.
13. Никифорова А. О соотношении роста производительности и заработной платы // Общество и экономика. – 2001. – № 7/8. – С. 95–110.
14. Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. – 2012. – № 16. – С. 15–38.
15. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М. : М-Студия, 2009.
16. Global Economic Prospects. – Washington, DC: World Bank, 2024. – June. – DOI:10.1596/978-1-4648-2058-8

References

1. Byulleten Schetnoy palaty RF. Sotsialnaya pomoshh [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation (Social Assistance)], 2023, No. 5 (306). (In Russ.).
2. Grishina E. E. Materialnoe polozhenie mnogodetnykh semey i faktory rosta ikh dokhodov [Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth]. *Finansoviy zhurnal* [Financial Journal], 2024, Vol. 16, No. 1, pp. 45–60. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
3. Zubarevich N. V. Razvitie selskikh territoriy Rossii, sotsialnye i gendernye problemy [Development of Rural Territories of Russia, Social and Gender Issues]. *Mezhdunarodniy selskokhozyaystvenniy zhurnal* [International Agricultural Journal], 2017, No. 2, pp. 12–14. (In Russ.).
4. Zubarevich N. V. Regiony Rossii v kontse 2023 g.: udalos li preodolet krizisniy spad? [Regions of Russia at the End of 2023: Was It Possible to Overcome the Crisis Recession?]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2024, No. 1, pp. 34–47. (In Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47.
5. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. Bednost domokhozyaystv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VShE [Household Poverty in Russia: What Do the RLMS HSE Data Say]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2013, No. 1, pp. 155–175. (In Russ.).
6. Klistorin V. I. O bednosti v Rossii i v mire [On Poverty in Russia and in the World]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2019, Vol. 11, No. 3, Part 2, pp. 264–280. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
7. Kravchenko E. V. Adresnost predostavleniya mer sotsialnoy podderzhki: osobennosti i napravleniya razvitiya [Targeting of Social Support Measures: Features and Directions of Development]. *Kreativnaya ekonomika*. [Creative economy], 2020, Vol. 14, No. 8, pp. 1645–1664. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.14.8.110701
8. Livshits V. N. Bednost i neravenstvo dokhodov naseleniya v Rossii i za rubezhom [Poverty and Income Inequality in Russia and Abroad]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2017. (In Russ.).

9. Lukyanova A. L. *Differentsiatsiya zarobotnykh plat v Rossii (1991–2008 gg.): fakty i obyasneniya* [Differentiation of Wages in Russia (1991–2008): Facts and Explanations]. Moscow, Izdatelskiy dom Gos. Un-ta – Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. Preprint WP3/2010/10. Seriya WP3. Problemy rynka truda. (In Russ.).

10. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. *Neravenstvo v Rossii na fone drugikh stran: dokhody, bogatstvo, vozmozhnosti: analiticheskiy doklad* [Inequality in Russia Against the Background of Other Countries: Income, Wealth, Opportunities]. Moscow, Natsionalniy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2021. Seriya. Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: sostoyanie, dinamika, klyuchevye problemy. (In Russ.).

11. *Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2022 god* [Monitoring the Income and Standard of Living of the Population of Russia – 2022], edited by V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina. Moscow, IE RAN, 2023, Issue 1 (202). (In Russ.).

12. *Neravenstvo v oplate truda: dinamika, osnovnye faktory, regionalnye razlichiya, vliyanie institutov rynka truda* [Wage Inequality: Dynamics, Main Factors, Regional Differences, Influence of Labor Market Institutions], doklad. Moscow, NIU VShE, 2021. (In Russ.).

13. Nikiforova A. *O sootnoshenii rosta proizvoditelnosti i zarabotnoy platy* [On the Relationship Between Productivity Growth and Wages], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2001, No. 7/8, pp. 95–110. (In Russ.).

14. Ovcharova L. N. *Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti* [Theoretical and Methodological Issues of Defining and Measuring Poverty], *SPERO. Sotsialnaya politika: Ekspertiza. Rekomendatsii. Obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise. Recommendations. Reviews], 2012, No. 16, pp. 15–38. (In Russ.).

15. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. *Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannye vzaimosvyazi* [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. Moscow, M-Studio, 2009. (In Russ.).

16. *Global Economic Prospects*. Washington, DC, World Bank, 2024, June. DOI:10.1596/978-1-4648-2058-8

Поступила: 24.01.2025

Принята к печати: 13.02.2025

Сведения об авторе

Андрей Владимирович Масольгин
начальник отдела оперативного мониторинга и анализа экономической политики Центра анализа данных Фонда «Центр стратегических разработок».
Адрес: Фонд «Центр стратегических разработок», Москва, 125009, Газетный пер., 3-5 стр. 1, 3.
E-mail: Andrey.masolygin@yandex.ru

Information about the author

Andrey V. Masolygin
Head of the Division of Operational Monitoring and Analysis of Economic Policy, Center for Data Analysis "Center for Strategic Research" Foundation.
Address: Center for Strategic Research Foundation, 3-5 Gazetny Lane, Building 1, 3, Moscow, 125009, Russian Federation.
E-mail: Andrey.masolygin@yandex.ru